

«Война угаснует во мне»

Мой дядя - Евгений Викторович Игнатъев, умер 24 февраля 2008 года в больничной палате на руках у своего сына Василия и любимого ученика Михаила Федоровича Середы. Судьба странным образом распорядилась так, что в это же время он проходил лечение в этой же палате... Красивая жизнь, красивая смерть.

Он оставил после себя замечательных детей и внуков. Но самым главным для него было то, что послевоенные пацаны-безотцовщина пришли к нему в спортивную секцию, где стояли брусья и висели кольца и конь из настоящей кожи, через который надо было обязательно перепрыгнуть. А он для них – бывший фронтовик, орденосеиц, красавец, был во всем примером. С детства он был талантлив во многом – замечательно рисовал, блестяще закончил школу №5 (с золотой медалью) и был удивительно спортивен. Однажды его отец и мать, посетив расположившийся на территории бывшего рынка у реки Десна цирк-шапито, были восхищены восьмилетним мальчиком, воздушным гимнастом, который под куполом цирка выполнял сложные номера. Откуда им было знать (до тех пор, пока их мальчик не пришел со сломанной рукой), что этим чудо-гимнастом был их Женечка.

Он происходил из старинного дворянского рода Игнатъевых (тех, что по мнению историка В.П. Алексеева были в некоем родстве с известным генералом А.А. Игнатъевым, перешедшим на сторону Советской власти и написавшим известную книгу «50 лет в строю»). В семье, однако, речь об этом была под запретом. Единственное, что осталось после революции – небольшой домишко в Нижнем Судке. Основная жизнь детей проходила на улице и во дворе – коньки, лыжи, лапта и необыкновенная роскошь – велосипед.

Уже в конце жизни мы упросили его написать краткие воспоминания. Он написал их так, что короче некуда.

Воспоминания Евгения Игнатъева.

«Начало войны я встретил без особого потрясения, с мальчишеской непосредственностью. Я верил в силу и мощь Красной Армии, в скорую ее победу над врагом. И даже в глубине души шевелились мысли сожаления, что мне вряд ли придется стать участником тех событий. Но жестокие законы войны расставили по своим местам. Когда в Брянске начал формироваться истребительный батальон, я вступил в его ряды (в него принимали ребят допризывного возраста). Мы занимались военной подготовкой, патрулировали улицы, несли караульную службу, выезжали в места возможной высадки вражеского десанта. Обстановка в Брянске день ото дня становилась все тяжелее. Над городом чаще стали появляться одиночные самолеты-разведчики. На Брянск в районе Карачижа была сброшена первая бомба. Начали эвакуироваться учреждения и предприятия, а в августе в 30-х числах зверские налеты фашистской авиации превратили цветущий город в руины. Наша семья эвакуировалась в Хотынец, а после оккупации Орловской области возвратилась в Брянск. Случай помог мне найти дорогу в подполье. Спустя несколько дней, после оккупации Брянска, я встретил на улице своего школьного товарища В. Семенова, уже успевшего побывать в тылу врага и понюхавшего пороха. Разговорились, вспомнили школу, друзей. Он дал мне понять, что в городе существует подпольная организация, и предложил мне вступить в ее ряды. Меня зачислили в «пятерку», старшим которой был Николай Лисовский (в дальнейшем засл. артист РФ). Кроме нас двоих членами «пятерки» было еще три человека. Волнующим стало для меня принятие присяги и вручение оружия – миниатюрного

ИГНАТЪЕВ
Евгений Викторович
(1925-2008)

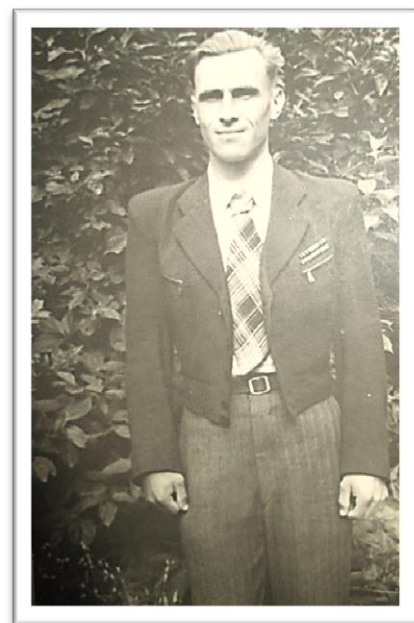

пистолета системы Браунинг с комплектом патронов. Так я стал агентурным разведчиком Брянского городского партизанского отряда им. Кравцова. С приближением Советских войск к Брянску немцы стали угонять мирное население, преимущественно молодежь. Этой участи не удалось избежать и мне с моими друзьями. Но в первую же ночь мы сбежали с места ночлежки из-под Глинищево, и напрямик через поля направились в сторону Брянска. Мы шли ночью, а днем прятались в укромных местах. В оврагах, недалеко от Бежицы, мы встретили местное население, которые тоже прятались от немцев, и провели там еще две ночи. А утром 17 сентября мы увидели наших разведчиков, переправлявшихся через Десну. В этот же день мы возвратились домой. 20 сентября во дворе военкомата мы простились с родными и близкими. После короткой подготовки в запасном полку, нас направили в действующие части 1 Белорусского фронта. Боевое крещение я получил в октябре 1943 года в составе 828 стрелкового полка 197 стрелковой дивизии. 15 декабря 1943 года был тяжело ранен под Жлобиньм. 4 месяца находился в эвакогоспитале 3257, который размещался в Брянске, а потом запасной полк, школа командиров и я, сержант, командир расчета станкового пулемета, был направлен и зачислен в 227 гвардейский стрелковый полк 8 гвардейской армии генерала Чуйкова В.М. Войск армии уже вели бои на чужой территории. В первых числах февраля, форсировав р. Одер, захватили плацдарм на его западном берегу. Глубокой ночью 16 апреля 140 прожекторов внезапно осветили немецкие позиции и тысячи орудий и минометов обрушили свой смертоносный груз на вражескую оборону. В результате, почти без единого выстрела наши пехотинцы захватили 1-ю линию обороны противника. А вот взятие Зееловских высот обошлось войскам большой кровью, но зато «ключ» к воротам Берлина перешел в наши руки. Уже не встречая сопротивления, мы вышли на окраины берлина. Начался штурм города, который продолжался до 1 мая включительно. Наш полк войну закончил в Тиргартене, а потом был отведен на окраину, в рабочий поселок Альтендорф, где размещался завод по производству ФАУ-1 и ФАУ-2. Там и пришел к нам День Победы. Встречая его, мы стреляли из автоматов, обнимались и целовались, кто плакал, кто смеялся. Это был день незабываемый на всю жизнь. После окончания войны 5 лет служил в Германии. В июле 1950 года я демобилизовался и возвратился в Брянск».

Мой дядя был человеком исключительного благородства и скромности. В его воспоминания очень многое не вошло. Он не посчитал нужным об этом упомянуть... О том, как во время оккупации он привел в дом, где квартировал германский майор, своего друга, еврейского мальчика, Хоньку (Хаима) Фильковского, который около полугода жил на чердаке, и которого он впоследствии переправил в партизанский отряд, и тем самым спас ему жизнь. Он не упомянул о том, что его близкий друг Вася был расстрелян перед строем как предатель по ложному доносу. Это было его постоянной болью всю жизнь. В честь него он назвал своего сына.

Когда в конце 1943 года Евгений был тяжело ранен (осколочное ранение шеи), на него пришла похоронка, которую моя мама, 13-летняя девочка, носила за пазухой и никому о ней не говорила. А он, придя в сознание, просил об одном, чтобы его направили на излечение в Брянск. Там они и встретились. Он не упоминает о том, что в марте 1945 года он также был ранен. На сайте Мемориал в таблице поиска значится, что сержант Игнатьев Евгений Викторович, 1925 года рождения, похоронен: Германия, земля Бранденбург, округ Франкфурт-на-Одере, р-н Зеелов, н.п. Райтвайн. Его внуки через форум поисковых движений нашли фотографии воинского захоронения, где на одном из многочисленных надгробий была выбита фамилия Игнатьева Евгения Викторовича. На улице Нижний Судок живым с войны пришел только он...

На сайте «Подвиг народа» есть все сведения о наградах моего дяди и об обстоятельствах их получения. Я очень гордилась им, никогда не встречала такой душевной близости, как между моей мамой и ее братом. Он никогда никого ни о чем не просил и очень не любил вспоминать о войне, но она всегда присутствовала в нем.

Пряничникова Н.А.